

Фальстарт

Знаю, знаю: многие по сей день твердо убеждены, что споры силикатных грибов были случайно доставлены на Землю возвращаемым космическим аппаратом заодно с веществом какой-то кометы, без которого, как они считают, нам отлично жилось. Некоторые думают, что споры эти спокон веку жили себе и не тужили в глубоководной впадине, пока кому-то не приспичило извлечь их на поверхность. Есть и такие, кого не сшибить с убеждения: все это дело рук военных с их секретными лабораториями и лабораторными секретами. Но лично я так не думаю.

Если честно, это вообще не мое дело. Когда оно касалось всех и каждого, в том числе и меня, я еще пешком под стол ходил. А когда стало ясно, что нам с этим жить, какая мне, ска-

жите на милость, разница, откуда что взялось? Поздно задавать вопросы. Главное — уходить оно не собирается. И еще существенная деталь: людей не трогает. Ну и живи себе, лишних проблем не поднимай и рубаху на груди не рви. Толку-то от всех этих споров! Когда в трактире начинают хватать друг друга за грудки, выясняя, кто прав, а кто дебил от рождения, я сразу ухожу. Не выношу пустопорожнего шума. То ли дело: сел за дубовый стол по-человечески, пива выпил, рыбкай закусил... Хорошо!..

Ничего. Пройдет время — утихнут страсти, это я вам говорю. Скиснут, как несвежее пиво. Да вы уже сейчас посмотрите: кто спорит до хрипоты? Молодежь вроде вас? Как бы не так. Все больше старички, мои ровесники. Вот помяните мое слово, лет через де-

сать всем будет едино: что микосиликоиды, что какой-нибудь царь Хаммурапи. Кроме, конечно, историков, но это же курам на смех. Мой старший внук знаком с одним ученым, только не с историком, а с химиком. Говорит, несерьезный человек, полею толком расколоть не умеет. И прочие ученые, надо думать, не лучше.

Кто из них еще ничего, так это биологи. Точнее, биотехники и особенно лесопатологи. Они на нашу биостанцию иной раз заглядывают. Я там дятлов развожу. Ну, не совсем развожу, то есть, а мастерю для них жилплощадь. Вроде скворечников. Для мелких дятлов — небольшие, а для большого черного дятла — он желна называется — дуплянка нужна такая, что кошка влезет. Если, конечно, еще не знакома с дятловым клювом.

Этот черный — большой специалист по жукам-усачам. Особо ценный кадр. Где жук размножится, там лес гибнет, туда наши мужики дятлов везут. И расселяют. Можно даже сказать — трудоустраивают. На местном пищевом ресурсе.

Но не о дятлах речь.

Речь о том, как нам досталось такое счастье. Вот именно: не мы заслужили, а нам досталось. Не совсем даром, нет. Помучиться пришлось всем, особенно сначала. Только не надо мне говорить, будто вы никакого особенного счастья не ощущаете. Это оттого, что вам сравнить не с чем. Молодые вы еще. Дети совсем. А я сравнить могу, потому как хорошо ее помню, ту, прежнюю жизнь.

Эй, Семен, ты брось гундеть. Что за привычка вступать в чужой разговор? Не видишь, что ли, у нас тут беседа. Парням польза, а мне развлеченье. Ну иди, иди себе, не мешай...

Так вот я о чем, значит. О прежней жизни. Жил я тогда в большом городе, даже очень большом. Десять с лишним миллионов живых душ. Если всех людей из домов разом выгнать на улицы да во дворы, так они теснее встанут, чем деревья в самом густом лесу. Домишки, чтобы вместить такую провру — огромные, и в двадцать этажей, и в сорок, и даже больше. Не деревян-

ные, как у нас, а из специального камня — железобетон называется... Чего? Ну да, смешное слово.

А между домами — улицы, да такие, что посередине нипочем не пройдешь. Машины там — вжик, вжик! В обе стороны. Одни туда, другие обратно, притом в несколько рядов. Как муравьи на своей тропе, только каждый такой «муравей» поболее телеги будет, и несутся они так, будто без их обязательного присутствия за тридевять земель через пять минут непременно мировой катаклизм случится. Шум, гам, дышать нечем. Дня не проходило, чтобы кого-нибудь не задавило или чтобы машины не столкнулись. Честное слово, не вру. А ведь жили люди в этом кошмаре. Человек, он ко всему привыкает.

Чем занимались? Кто чем, но по большей части чепухой всякой. Ну, заводы стояли, дым в небо пускали из труб — это я еще понимаю. Много народу на тех заводах работало, вещи разные делало, те же машины, к примеру. Кто поезда под землей водил, кто за порядком присматривал, кто торговал, кто еще чего... Но больше всего народу работало в конторах. Скажу прямо, я этого не видел, мне старики рассказывали... вот как я вам сейчас. Трудно поверить в такое, а еще труднее понять, но вы уж поставьте.

Приходит человек в один из этих больших домов и первым делом включает компьютер. Это, значит, ящик такой для тупых, ну и для лентяев тоже. Кому, скажем, лень считать, или нарисовать чертежик какой-нибудь, или написать что-то — компьютер тут как тут. Сидят. Морщат лбы, губы кривят, зады расплющивают. Иной ткнет в клавишу пальчиком и снова сидит час, якобы думает. Считается — работает. А если начальник не видит, так подчиненный развлекается. В игры играет или по Сети общается с такими же обормотами, каков сам. И то сказать: работа у многих такая, что от пустой забавы ее не сразу и отличишь.

Смешно? Нет? Ах, тебе завидно? Глупый ты, молоко на губах не обсох-

ло. Хочешь попробовать такой жизни? Теперь уже не попробуешь, и не мечтай. Можешь, конечно, бражку гнать из ягод или мухоморы жрать, и будет тебе счастье. Примерно такое же, как перед компьютером, это я тебе точно говорю. А станешь подолгу задумываться о той жизни — считай, пропал. С глазду двинешься. Вон как дед Андриян, который режет по дереву всякие вещи из прошлого — микроволновки там, ноутбуки, мобильные телефоны... Вся изба у него в деревянных идолах, и он на них молится. Спят, одно слово.

Нет, что было, то уж совсем прошло. Конечно. Навсегда. Вперед глядеть надо, не назад... Эй, ты чего вертишься? Тебя для чего сюда прислали? Слушать? Вот и слушай.

Вот что я скажу: дураки люди были тогда, ничегошеньки в жизни не понимали. И я дурак был, не стыжусь признаться. Мы ведь как считали? Сыты, одеты, в тепле сидим, вода горячая прямо в дом по трубам бежит, работой не шибко утруждаемся — вот и ладненько, так и должно быть. То есть не совсем так, а чтобы еще лучше: меньше трудиться, слаще пить-есть, и еще чтобы геморроя от сидения не было. Ну и, само собой, чтобы всякие финтифлюшки электронные вокруг нас так и кишели — их тогда прибабасами называли. Чтобы еще мощнее, еще мельче, а главное, еще круче — мол, у меня одного такое, а у вас нет. А как у вас оно появится, так я свое продам или выброшу и взамен самый новейший прибабас себе куплю. Я, мол, современный, меня девочки любят, завидуйте мне... Смеетесь? Ну, смейтесь, смейтесь...

Я хоть не сразу, но понял: нельзя человеку предлагать все, чего ему хочется. От такой жизни устают, когда всё перепробуют, и уже жить ленятся. Больной мир, и люди в нем больные. Хуже всего, когда человек болен, а думает, будто здоров. Есть такие болезни, брать хоть алкоголизм. Ну, у нас то болезнь была иная — «весьмирдянас». Не мы ему чем-то обязаны, а он нам, поскольку мы в нем родились. Осчастливили его собой.

И при всем том полная беспомощность! Ни избу поставить, ни выжить в лесу одному, ни даже дров толком напилить-наколоть — ну ничегошеньки не умели! Городские — они такие. Да только кто в ту пору не был городским? Мало оставалось таких, неиспорченных.

Мы, русские, в этом смысле были еще ничего, а уж если на остальной мир взглянуть... Ох, держите меня! Как бедствие какое ни то стихийное, так сразу у них та еще дурь полосатая. Сначала глазают на вулкан или, например, на цунами, как оно к ним идет, фотографируют да радуются, как будто силы природы существуют исключительно для их удовольствия, а потом: «Ах, спасайте меня!» А чего дураков спасать-то? Зачем? Они ведь до самого конца убеждены, что не они дурни, а мир устроен несправедливо, причем не весь, а так, местами. Да почему ж несправедливо? Очень даже справедливо! А если ты глупый, то и страдай за свою глупость или резко умней, верно я говорю?

Ум — это ведь еще не мудрость. Ум — это когда человек правильно понимает, кто он такой в этом мире и что в какой ситуации делать не откладывая. А коли упрямо не понимаешь — ну извини...

Теперь-то таких дурней совсем мало осталось, и за то природе отдельное спасибо. А с чего пошло начало, а? С чего, я спрашиваю? Ну хотя бы вот ты ответь, с чего? Да, я с тобой говорю, чего вертишься? Ну?

То-то. С микосиликоидов. И выходит, что они нам благодетели, хоть и грибы неразумные.

Помню, как все начиналось. Сперва понемногу, и никто ничего не понимал. Ну мост бетонный рухнул ни с того ни с сего, ну дом рассыпался — печально, конечно, а бывает. Шум, крики, телекамеры, суд над строителями, журналисты пеной исходят. Потом — бац! — сенсационное открытие: найденные споры грибов, пожирающих бетон. И кирпич тоже, но медленнее. Вселенская напасть! А напустить на нее ученых с ихними ядами и техникой! А обеспечить их по первому

разряду, чтоб поскорее новых ядов напридумывали! А создать им все условия! Потому как ежели они не справятся, то всей цивилизации хана и амба. Карау-у-ул!..

Чего веселитесь-то? Хорош ржать. Честное слово, не вру — именно так люди и думали. Не верили в зарю новой жизни, а верили в хану и амбу. Вам, молодежи, теперь этого не понять, а вот я понимаю. Им бы пораскинуть мозгами, людишкам тогдашним, ан нет — разучились. Услышал что-то по телевизору — это тоже ящик такой, — пересказал своими словами знакомым, и готово, сошел за умного. Из тех, о ком говорят: хорошая голова, да дураку досталась.

Ну, сколько-то народу было задавлено рухнувшими домами, это факт. А только не меньше людей посамоубивалось, когда увидело: всё, конец прежней разлюли-малины. Дурак всегда скор на выводы. Видит он: стена дома, где у него квартира на четырнадцатом этаже с ванной и теплым сортиром, начала понемногу крошиться. Потом глядь — грибы из нее полезли дружно, как опята. Очень похожи, только фиолетовые и несъедобные. Ну, значит, дело ясное: собирай вещи в узел и дуй в деревню, пока тебе на маковку не упал трухлявый потолок, руби избу, потому как микосиликоиды на дереве не растут, а о каменном доме забудь навеки. Верно говорю, нет?

Ага! Как только до самого тупого дошло, что мир меняется без возврата, самоубийцы на тот свет табунами пошли. На рельсах расстелились, из окон высыпались, а уж бельевых веревок извели на себя столько, что, ежели их связать вместе, можно как раз достать до Луны. У химиков-то ничего с микосиликоидами не вышло — ну не желали силикатные грибы помирать от ядов! Уж как с ними ни бились, каких только мер ни применяли — и распыляли на стены и балки какие-то эмульсии, и примешивали в бетонные смеси всевозможные добавки, и облучали чем-то — все без толку. Замедлить грибной рост еще удавалось, а прекратить совсем — вот вам!

Откуда взялся гриб — неведомо, как с ним бороться — неизвестно, такие вот дела.

Особенно возопил народ, когда дошло до самого глупого: потеря бетонных и кирпичных жилищ — даже не полбеды, а такая мелкая малость, что и говорить о ней не стоит. Чепуха на постном масле. Настоящая проблема в другом: без силикатов нет доменных печей, мартенов и прочей металлургии, а без металлургии нет ничего. То есть это тогда люди так думали. Мы-то с вами знаем: все, что человеку на самом деле нужно, у него есть, а лишнее — это еще надо посмотреть: не баловство ли? Сто против одного, что окажется баловством.

Но тогда казалось, что мир воистину рушится. Грибы сожрали огнеупоры — и привет горячий. Металлы плавить не можем. Плотины крошатся, напор воды не держат — спустить воду, покуда сама не прорвалась, и долой гидроэнергетику. С тепловыми электростанциями тоже не лучше. Значит, производим электричества вдесятеро меньше, чем прежде, и производство постоянно уменьшается, металла нехватка, запчастей нет, вся промышленность, от тяжелой до радиоэлектронной, сипит и задыхается, а главное, впереди не видно никакого просвета. Цивилизация кончилась, человечество обречено. Какое-то время еще побарахтаемся, а потом переселимся поближе к природе, будем желудями питаться и по веткам прыгать... Хватит ржать, сказано вам! Это сейчас смешно, а тогда было не до смеха...

Кто мало что почувствовал, так это чукчи и еще эскимосы всякие. Ну какое дело эскимосу до бетона и огнеупоров? Вот в Африке, говорят, хуже. Краем уха слышал, что берберы всех коз у себя повывели, потому что коза — первый враг дерева. Теперь они овец разводят и из последних средств за опреснение морской воды взялись, потому что леса у них там не растут без полива, а дерево всем нужно. Их глиняные-то дома, знамо дело, развалились.

Ну да Африка далеко, леший с ней.

Европейцам, надо сказать, тоже пришлось несладко. Кто выиграл, так это мы, Россия. У нас леса, у нас житье. Недаром к нам так и лезут отовсюду всякие пришлые, а мы смотрим, что за люди, и ежели негодящие, ежели по своим законам прожить надеются — от ворот поворот. Так-то.

Но и нам это не сразу далось, ох, не сразу. Покуда поняли, что вот оно, счастье, натерпелись. Не от грибов натерпелись, не от природы — от самих себя. Уклад был не тот. Да, собственно, никакого уклада поначалу не было.

Вот, скажем, наше село. Раньше здесь хутор был — один домишко, да полтора сарая, да бабка слепая лет девяноста с гаком, одна-одинешенька. Теперь — сами видите. Тех халуп да землянок, какие мы понастроили где попало, только-только из города вырвавшись, уж вовсе не осталось. А главное, народ был невыделанный, каждый сам по себе да еще с прибабахами насчет личной свободы и обеспеченных кем-то прав. А кем? Кто тебе будет их обеспечивать? С какой стати? Твои проблемы, ты и решаешь.

Что? Ты... это... как тебя звать? Иваном? Ты, Иван, не ерзай, в глазах мельтешит. Сидеть неловко? Понимаю... А ты встань, небось не рассыплешься. Чего говоришь? Помогать надо друг другу? Всем миром? Правильно. Только мы в те времена до этого еще не докумекали.

Пришлось докумекать. Тоже, конечно, не сразу. Харчами делились друг с другом, это я помню. Хотя тоже находились любители урвать себе кус побольше, однако ж до февраля с голудухи никто не помер. В Осиновке о ту пору большой продуктовый склад был, ну мы туда и ходили за двадцать верст. Да не мы одни. Осиновским это не больно-то нравилось. Попервоначально мы с ними в колья бились, а потом, когда они Илюху Жукова жаком застрелили, мы к ним в открытую уже не ходили. Только тайком да ночью. И я, пацаненок, ходил.

Ну, перезимовали кое-как. Человек пятнадцать к весне умерло, да и у прочих животы к хребту прилипли.

Что дальше делать? Как жить?

А был среди нас такой Руслан Фатихович, мужик крепкий, хоть и нехристь. Собрал он нас на сходку. Надо, грит, учиться крестьянствовать, не то околеем. Перво-наперво: распашать, заборонить поле. Добыть, хоть с боем отбить, посевной материал. Инвентарь достать. Хорошо бы угнать трактор или хотя бы лошадку. Нет — на себе будем пахать. Женщин — на огорода. Ребятишек — на рыбную ловлю, на сбор лесных даров. Щавель, крапива, улитки с лягушками — сожрать все можно. Хоть воробья из рогатки, да подбей. Хочешь лопать — приноси пользу. Дармоедов не кормим.

Да, мол, вот еще что. Настоящие избы рубить надо, а халупы — побоку. Строим всем миром, распределяем по жребью, и так до тех пор, пока каждая семья не въедет в новый дом. Годится?

Пошумели мы, кто-то насчет колхоза сострил, но согласились. Выбора-то нет. К середине лета построили первый дом. Уж не знаю, как Руслан со жребием схимичил, а только дом ему достался. Ничего, говорит, будем еще строить, всем хватит.

До сбора урожая построили еще два дома. Хорошие вышли дома, только без оконных стекол и с глухими ставнями — стекло ведь тоже в некотором роде силикат. Печи сложили из дикого камня, какой в полях валяется. Правда, мало его осталось. Спросите любого ученого, из чего в основном состоит земная кора? Из силикатов. Как только гранит или шпат какой-нибудь вылез на поверхность, так глядь — фиолетовыми грибами оброс, а там и рассыпался в пыль. Да вы видели это много раз.

Но не о камнях речь, а о том, что начали мы понемногу верить: жизнь налаживается.

Бац! Приезжают аж на четырех джипах. В коже, с оружием, наглые. Бандиты, словом. Они до той поры в городе шуровали, да город окончательно рассыпался и городом быть перестал. Значит, по их понятиям, пора садиться на шею тем, кто сбежал в деревню и с нуля новую жизнь подыма-

ет. Нам то есть. Подходящая шея.

Здрасьте-приехали! Всю жизнь мы о том мечтали.

Постреляли они немного, больше для острастки. Тут Руслан и говорит: «Стойте тут, договариваться с ними я пойду». И пошел. Кое-кто его даже зауважал — бесстрашный мужик! Только недолго продержалось то уважение.

Воротился — так, мол, и так. Мы их кормим от пуза, и ежели бабу или девку какую захотят из наших, так чтобы им не перечить, а они нам за это защиту. От кого? Да хоть бы от осиновокских. Или от других бандюков, мало их, что ли?

Мы так и ахнули. А дома построенные? Сколько сил вложено! А урожай? Он хоть и порядочным ожидался, да все одно ясно: к весне снова клади зубы на полку. А тут еще этих корми от пуза?

Руслан наш на то усмехнулся: ничо, прокормим. А домишек вы себе еще понастроите. И пошел.

«Вы», значит. Уже не «мы», а «вы». Отделил.

Приуныл народ. Кучками собирается, судачит, ругается вполголоса. Кое-кто уже мыслит бросить все к черту и махнуть куда-нибудь в совсем глухие леса, где и джипу не проехать. Да только все это больше на словах, чем на деле. На деле совсем другое вышло. Бабы, какие помоложе, да девки в лесу попрятались. А в крайней землянке собралось человек десять мужиков да я, мелкий шкет, потому что случайно их разговоры подслушал. Не хотели они брать меня с собой, а пришлось, чтобы не выдал. Не, я не выдал бы, зря они боялись. Я и тогда считал, и теперь считаю: правильно люди решили. Нечего ждать по российской привычке, когда совсем худо станет. Свербит — думай. Придумал — говори, если дело не одного тебя касается. Сказал — делай.

И сделали. Бандиты от нас такой скорости точно не ожидали. Заняли они новые дома, самый лучший — «бригадиру», два других — рядовым, и Руслан с ними. Он для них человек полезный, вроде старосты деревни.

Вмиг друг друга поняли. По научному — симбионты. Ну а мы, значит, планктон. Чего с ним чикаться? Не слепые, видят: бабы у них, старики, дети малые. Всех жалко. Значит, всё вытерпят, только бы до смертоубийства дело не дошло.

Только зря они так думали и караульных не выставили. Ночь тихая-тихая была, только цикады на лугу стрекотали. А под утро запылала разом все три дома. Двери мы потихоньку подперли, ставни тоже, хворост таскать не стали, чтобы не нашуметь, зато плеснули на стены и крыши бензином, какой добыли из бандитских же джипов. Крыша — дранка. Запылала вмиг. Изнутри — крики матерные. Потом пальба сквозь двери и ставни, да только без толку. Потом уже ничего, даже воплей почти не слышно, так сильно огонь гудел. Только один бандит и выскочил, чтобы смерть принять не в доме, а во дворе.

Вот такие пироги. Хоть и жаль нам было того, что своими мозолями да потом добыто, а как иначе? Избы можно и новые срубить, а где новый стержень для души возьмешь, если прежний потерял? В иных деревнях такие же бандиты по многу лет бесчинствовали — жидковат оказался тамошний народец. Иные за сто верст к нам тайком приходили — за опытом. Была охота ноги бить. Какой опыт, за чем? Все, что тебе нужно, ищи в себе, а коли не найдешь, то я уж не знаю... Только тот раб, кто рабом быть согласен.

Ну чего забубнили? Известные вещи говорю? Всякий раз одно и то же?

Да, всякий. И еще не раз придется вам это выслушать, покуда в разум не войдете. Я помру — другой найдется. Должен же кто-то вас учить.

Что, уши вянут? Да ты, Митяй, никак уйти хочешь? Ну-ну, ступай. Сколько горячих тебе нынче по заднице перепало — десяток? Сейчас еще столько же добавят — и обратно сюда, меня, старика, слушать. Не отвертись. Потому как одних розог мало — кого высекли, тот понимать должен, во-первых, за что, а во-вторых, почему нельзя иначе. Вот тебя — за

что? Лесину свалил, пенек выше нормы оставил? Ну и правильно, по грехам твоим десять розог — в самый раз. Лесина только рубится быстро, а растет медленно. Что у нас есть-то, кроме леса? Камня дельного совсем мало, железо бережем, тяжким трудом оно добывается. А раз леса много, то его и не жаль, так, что ли?

То-то. Все ты понимаешь, а упряма — колом не перешибешь. Специально для тебя расскажу еще одну историю. Это уж лет через пять было после того, как мы бандитов пожгли. Выбрали, значит, в старосты самого рассудительного, а при нем сход из мужиков, какие потолковей и постарше. Живем. Я в ту пору вымахал с колмоменскую версту и начал на девок заглядываться. Присмотрел одну по сердцу, Катей звали. Она была из новеньких, тоже бывшая городская. Много тогда людей по свету бродило — кто со временем осел где-то и корни пустил, а кто и сгинул. Очень многие за развалины городов до последнего держались, все надеялись, что на микосиликоидов найдется управа или они как-нибудь сами собой вымрут. Жили хуже всяких крыс, копались в кучах хлама, всё еду искали. Но еда та, как сказал бы биолог, принципиально ограниченный ресурс. Кончилась — иди гуляй. Кошки с собаками, какие уцелели, и те из городов ушли. Вороны над городами перестали летать.

Ну так вот. Пришла Катя к нам в деревню не одна, а с больной матерью. Выделили им пустующую землянку — берите пока, не жалко. Не знаю уж, чем Катина мать болела — по-моему, всеми болезнями, сколько их есть. Охает, стонет, работать не может. Потом, правда, на чужом огороде ее застучали, когда она ночью на промысел вышла. Гребет все подряд в мешок этак по-хозяйски размеренно, как комбайн, и охать забыла. Еще и до того соседки судачили — белье у них с веревок стало пропадать. Сроду такого в нашем селе не водилось. Шепотки пошли, подозрения, взгляды косые. Вроде и свои кругом, а как будто чужие. Неуютно.

Ну, уличили наконец, а что делать

— непонятно. Собрался сход, решает. Одни говорят: вспать воровке орешника, как полагается, да прилюдно, да хорошенько! Другие в сомнении: а вдруг она вправду больна, а не прикидывается? Помрет ведь под лозами. Вон — в землянке лежит, стонет. Третьи: гнать ее из села, раз выдрать нельзя! Вот еще новости — не тронь ее! Ты куда пришла, дорогая? К дикарям? Так и у тех свой закон имеется.

Я-то, конечно, подслушивал. Тревожно стало, и сердце будто клешами сдавило: а ну как правда выгонят Катю мою ненаглядную? Ведь она мать не бросит. Решил: буду упрашивать мужиков. На колени встану. А нет — брошу все и уйду вместе с Катей куда глаза глядят.

Слеп был, что верно, то верно. Кто влюбленный, с тем еще хуже бывает. Забыл, что яблочко от яблоньки редко далеко откатывается. Бреду, как в воду опущенный. В лес забрел. Слепни кусают — я не чувю. Солнце садится, и сосны стоят огненные. Красота дивная, а мне не до красот.

Вдруг дымком потянуло. Опа! Глядь — Катя моя ненаглядная под кучей валежника огонь раздувает. А куча нарочно собрана возле трех сухих елей, какие я уж давно на дрова присмотрел, да все было недосуг свалить. Знаете, как вспыхивает сухая ель? Свечкой! В один момент.

Не понял я тогда, что у Кати было на уме, — просто-напросто пожара испугался. Лето стояло сухое, и ветерок дул точно на наше село. Пойдет с этой стороны верховой пал — через час от села головешки останутся. Не отстоишь. Ну, заорал я не своим голосом, кинулся тушить. Катя, как меня увидела, давай уносить ноги. А нижние ветви ближней ели уже горят!

Как я с огнем голыми руками воевал, сами сообразите. Но не поверите — сбил пламя с веток! А мох сухой? А кусты? Одежда дымится, руки и лицо в пузырях, а сделать ничего не могу, огненный круг все шире, еще чуть-чуть — и пойдет пал по лесу. Повезло: мужики из села увидели дым, прибежали кто с чем. До полуночи мы огонь сбивали и топтали, а потом еще дежу-

рили до утра, чтобы не возродился. И, ясное дело, вопрос: кто виноват?

Я всю вину на себя взял. Так и так, мол, помрачение разума нашло. Разжег костерок там, где не надо. Почто жег? А просто так. Захотелось.

Мужики мне ни на грош не верят, а я на своем стою. Я, мол. Настоящую-то поджигательницу никто не видел, хотя подозрения были. Мне: «Опомнись, дубина! Ты ж наш, ты ж в доску свой! Кого покрываешь?» Я в ответ: «Никого, вот крест. Виноват — отвечу».

И ответил. За большую вину, сами знаете, полагается сто ударов, ну а мне за упрямство всыпали двести. Все хотели, чтобы я в своем вранье раскался и на истинную виновницу указал. Кати с мамашей в ту же ночь след простыл — ушли они из села и больше не возвращались. Попытались со злости нас пожечь да и побрели по свету искать, где люди пожиже, где должно-го уклада нет, где за чужой счет прожить можно. Есть такие — больше клопы, чем люди.

Только я ничего этого тогда не понимал. Лежу на лавке со спущенными портками, руку закусил, справа и слева лозы свистят, все село собралось смотреть. Десять ударов — передых. И вопрос мне: «Ну так кто зажег, ты? Врешь. Говори правду. Ах, все-таки ты? Ну тогда вот тебе еще!» Озверели мужики, лупят что есть силы, да с оттягом. Вот тебе еще разик! И еще! С пылу, с жару. Осознал, нет? Тогда на еще!.. Я себе руку чуть не до кости изгрыз, а двести ударов выдержал. Сознание, как назло, уж потом потерял, когда меня домой тащили.

Мать меня лечит и жалеет, только я ее не слушаю. В голове одна Катя. Не верил я, что она тварь, не верил, что насовсем ушла. Мечталось: вернется, и если не обнимет, так хоть спасибо скажет. Пусть хоть взглянет на меня не как на пустое место. Куда там! Молод был, глуп, да и любил ее сильно. Кто любовью не страдал, тому не понять.

И зря, доложу я вам. Жаль мне вас, кто не испытал. Вот хоть тебя, Антипка. Сей раз тебя небось за пакость ка-

кую-нибудь секли? Ну правильно, не за любовь же. Чешись, чешись. Не запоеет твоя душа под лозами, нищий ты, не жизнь тебе дана, а так — огрызок. Что вспомнишь на старости лет? Разве кувыркалась душа твоя в небе жаворонком, разве пела? Мало ли, что моя пела слуду — главное, пела! Это даже хорошо, что меня тогда нешутейно выдрали — лучше запомнилось.

Прошло время, образумился. И как будто пелена с глаз упала — разглядел Дашу-Дашеньку, соседку. Когда я поротый в избе лежал, она к нам по двадцать раз на день забегала — то молочка мне принесет, то медку, и уходить не хочет. А я ее гоню, будто дурной, счастья своего в упор не вижу. Не скажу, что красавица — куда ей до Кати что лицом, что фигурой, — ан вышло, что лучше Даши для меня никого в целом свете нет. Вот как оно в жизни бывает.

Прошло немного времени, посватался. Осенью свадьбу сыграли. Мы с Дашей будто два ручья слились и вместе потекли. С поля домой иду — радуюсь. Детей подняли, потом внуков. И было нам счастье до того дня, когда моя Дашенька поутру не проснулась. Бывает, во сне ее вижу, и она зовет меня к себе. И то верно: пора бы. Пожил на свете достаточно. Однако вас вот, балбесов, приходится уму-разуму учить — значит, не все дела еще переделал.

Вот, скажем, тебя, Влас, за что драли? Хотя знаю, вспомнил: за буйство пьяное. Это ты, значит, Николаю оба глаза подбил? Ну и поделом тебе всыпали. Думаешь, пить всем дано? Это искусство. Не владеешь — ходи поротый.

Тебя, Антипка, я даже спрашивать не желаю, ну а ты, Иван? Серьезный вроде парень. Обругал, говоришь, матерно? А кого? Тетку Матрену? Ах, она первая?.. Ну-ну. А ты, стало быть, не выдержал и отбрыхнулся. Молодец! Отбрыхнешься еще разок — получишь вдвое больше и опять ко мне попадешь, на беседу. Что «несправедливо»? Ты смекни: сколько лет ей и сколько тебе? Какое еще равноправие? Ты где таких слов нахватался?

Она троих детей подняла и троих похоронила — чем ты ей ровня? А на заметку возьму. Войдет это у Матрены в привычку — никуда от нее орешник не денется, можешь ей передать.

Про тебя, Митяй, уже знаю. Кто у нас остался — ты, Егор? Ну а тебя-то за что? Ась? Отказался глинище раскапывать? И сколько дали — десять? Все двадцать? И это, по-твоему, много?

Я бы еще добавил. Почему, почему... По заднице! Ты что, меня совсем не слушал? О чем я тебе толковал битый час? О силикатных грибах я толковал! О том, что без них не было бы России. Или я это пропустил? Стар стал, мысли в голове путаются. Так слушай и не перебивай. Еще раз: микосиликоиды — спасение России. Без них она уже исчезла бы с карты, это как пить дать. В прежние времена, с точки зрения ее властей, в ней только и было ценного, что газ, да нефть, да некоторое количество людей, которые все это из-под земли добывают да перекачивают тем, кто поумнее. Свои, значит, дураки, стадо и вообще лишние. Ну и убедить их в том, что они и в стаде свободны, развратить мелкой вседозволенностью и принять такие государственные программы, чтобы вроде как забота о людях, а на деле — вымирание. Пенсии старикам платить, чтобы дети и внуки могли их не содержать. Пусть нищенские пенсии, ан все же с голоду не околеешь. А раз так, то вроде бы и детей рожать незачем. Планирование семьи, личная карьера, мягкие законы, да много еще чего — вроде все на благо, а на деле в точности наоборот. Чему тут завидовать — пиру во время чумы? Если бы все осталось, как было, вы бы попросили не родились, понятно вам?

Народ? А что народ? Сказано же: развратился. И вымер бы в лучшем виде, если бы не микосиликоиды. У западных народов с их привычкой платить кому ни попадя незаработанные деньги еще хуже было. Опять же, от корней они сильнее оторвались, чем мы, им с нуля начинать куда тяжелее было. Да и мы сначала думали — кошмар, напасть, бедствие ужасное, а оказалось — лекарство. Новая

попытка. Дунул судья в свисток и не засчитал забег. Фальстарт называется. Оно и к лучшему. Всякому, в ком есть хоть немного ума, еще в старые времена было видно: не туда бежали и не так. А бежали!

И ты, Егор, отказался копать глину? Спятил, не иначе. На чем же будут расти силикатные грибы, спасение наше, ась? На пнях? На навозе с соломой, как шампиньоны? Не будут они там расти. Не дай бог, наступит такой день, когда погибнет последняя грибная спора, что тогда делать станем? Нет уж, не надо. Пусть все останется, как есть. Сам вижу, что не идеально, но лучше так, чем никак. Поэкспериментировало человечество — и напоролось. К своему счастью, я так понимаю. Ну а вы-то — поняли? А поблагодарить общество за науку догадались? Тогда прощевайте до следующей беседы после порки. Шучу, шучу... Свободны, короче. А мне вздремнуть пора...

Ах, как хорошо посидеть на заваulinке летним вечером под теплым небом, пронизанным стрижами! Старик привалился спиной к бревенчатой стене, прикрыл глаза. Под бок, взявшись невесть откуда, подобрался ласковый кот Тишка, боднул головой просто так, не требуя рыбки, заурчал. Вот и коту хорошо. Кот-котик. Не голодный — значит, сколько-то мышей сегодня поймал. Вот и молодец.

О-хо-хонюшки... А ведь правду сказал парням: пожил на свете достаточно, пора в домовину. Жизнь выпала длинная, сколько дел успел переделать — не сосчитать. Ослаб, сносился, а к себе жалости нет, еще годен кое на что. К примеру, мастерить жильё для дятлов — санитаров леса или делать кое-кому словесное внушение после внушения орехового. Польза? Польза.

Тем, кого нынче драли, польза явная. Молодежь нынче шустрая, так и кипит — это хорошо, зато норовит выпустить пар во всяческих непотребствах — это плохо. Ничего, эти еще не потерянные, даже Антипка. Войдут в разум, никуда не денутся. Да куда им деваться-то? Или уходить и пропадать, или жить, как велит общество.

